

Николай Переяслов

ПОСЛЕДНИЙ КОМАНДАРМ

*Судьба дважды Героя
Советского Союза маршала
Кирилла Семёновича Москаленко
в рассказах, документах,
книгах, воспоминаниях
и письмах*

Николай Переяслов

**Последний командарм. Судьба
дважды Героя Советского
Союза маршала Кирилла
Семёновича Москаленко в
рассказах, документах, книгах,
воспоминаниях и письмах**

«Прометей»

2019

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6

Переяслов Н. В.

Последний командарм. Судьба дважды Героя Советского Союза маршала Кирилла Семёновича Москаленко в рассказах, документах, книгах, воспоминаниях и письмах / Н. В. Переяслов — «Прометей», 2019

ISBN 978-5-907166-31-8

Маршалу Советского Союза К. С. Москаленко выпала удивительная жизнь – он воевал с отрядами Махно и Врангеля, прошёл Финскую войну и Отечественную, освобождал от немцев Харьков, Киев и Прагу, встречался в 1945 году во время приёма в честь Победы в Кремле с Иосифом Сталиным, а в 1953 году арестовывал Лаврентия Берию, в 1961 году руководил полётом первого человека в Космос – Юрия Алексеевича Гагарина, участвовал в испытании атомных бомб и ракет, был близок к Н. С. Хрущёву и Л. И. Брежневу, дружил с поэтом Константином Симоновым, был заместителем Министра обороны СССР и главным инспектором Министерства обороны СССР, дважды Героем Советского Союза, членом ЦК КПСС с 1956 года, автором двухтомных воспоминаний «На юго-западном направлении». Погружение в биографию этого незаурядного человека захватывает читателя сильнее, чем самый острый роман, так как в нём очень много правды, в которой на равных представлены как неоправданная хула, так и слава... Книга адресована самому широкому кругу читателей, интересующихся историей нашей страны и судьбой героев нашего Отечества.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-907166-31-8

© Переяслов Н. В., 2019

© Прометей, 2019

Содержание

Глава первая	8
Глава вторая	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Николай Переяслов

Последний командарм. Судьба дважды Героя Советского Союза маршала Кирилла Семёновича Москаленко в рассказах, документах, книгах, воспоминаниях и письмах: Материал для биографии

Генерал К.С. Москаленко

«Солдаты 38-й и 40-й армий присвоили Москаленко звание: "Генерал Вперёд!"»

Наталья Флорова-Лежнёва

«Главные черты, которые выделяют маршала Москаленко из ряда других знаменитых полководцев Великой Отечественной войны, – это привычка отдавать предпочтение атаке, а не обороне, за что Кирилл Семёнович получил от Сталина похвально-шутливое имя: "Генерал Наступления"».

Фуад Мамедов-Пашабейли

«В одном из разговоров известный маршал Жуков дал Кириллу Семёновичу Москаленко довольно едкое прозвище: "Генерал Паника"».

Феликс Чуев

Глава первая

Родом из гришино

В почётном ряду знаменитых полководцев Великой Отечественной войны фигура Кирилла Семёновича Москаленко кажется одной из самых малозаметных и почти не привлекающих к себе внимания историков и писателей, теряющейся на фоне блистательных фигур А. М. Василевского, Г. К. Жукова, И. С. Конева, К. К. Рокоссовского и других выдающихся военачальников той поры. А между тем, вклад в Победу Москаленко ничуть не меньше, чем вклад вышеназванных военачальников, потому что он командовал 38-й, 1-й танковой, 1-й гвардейской и 40-й армиями; войска под его командованием сражались в Московской, Сталинградской и Курской битвах, участвовали в освобождении Донбасса, Киева, Левобережной и Правобережной Украины, Польши и Чехословакии.

Кирилл Семёнович Москаленко – дважды Герой Советского Союза, маршал СССР и заместитель Министра обороны. Родился он 11 мая 1902 года в селе Гришино, расположенном около города Красноармейска (сегодня он называется Покровском) в Донецкой области. Он – двоюродный брат моей бабушки Евдокии Фоминичны Бражко, матери моего отца Владимира Дмитриевича. Она рано вышла замуж за Дмитрия Переяслова и переехала к нему в соседний с Гришино хутор со странным названием Восьмая Группа, впоследствии переименованный в посёлок Щербакова, но до сих пор продолжающий удерживать в сознании людей своё первое имя. Здесь моя бабушка (или как мы все называли её – бабуся) родила четверых сыновей – Петра, Владимира (моего отца), Михаила и Павла, а также дочку Любу. Дядя Павел, которого я видел только на жёлтой фотокарточке на стенке в бабушкиной хате с надписью «Привет из Выборга», служил в этом далёком городе в армии и в самом начале Великой Отечественной войны где-то там и погиб, о чём я когда-то позже написал небольшое стихотворение:

Сегодня в моде слово «киборг»,
а я знал с детства слово «Выборг»,
холодное, как гряда глыб, —
там дядя Павлик мой погиб...

К сожалению, бабушка моя умерла довольно рано, и я почти ничего не запомнил из её рассказов о днях её молодости, помню только, как она говорила, что языкастые гришинские девчата, поддразнивая в юности Кирилла Семёновича, называли его «гусаком», так как он тогда был довольно худым и длинношеим юношей. Слышал также, что она рассказывал, как в 1920 году он угнал из села единственного пригодного для верховой езды жеребца и укал на нём в Красную Армию, а спустя много лет, уже после окончания Великой Отечественной войны, сделавшись крупным советским военачальником, он прислал в родное село целый табун из шести десятков лошадей, пятьдесят девять из которых предназначались для местного колхоза, а одна – для остававшихся жить в селе родственников Кирилла Семёновича.

Кроме того, как говорила бабушка, Москаленко проложил гришинцам асфальтовую дорогу от Красноармейска до последней остановки в их селе, а ещё с его помощью в Гришино было передано 36 автомобилей для автопарка. Тогда же, после окончания войны, благодаря ему, сельское хозяйство колхоза получило различный инвентарь.

Были ещё какие-то другие бабушкины рассказы о Москаленко, но я их, как это ни печально, не запомнил, а вот разговоры моего отца с его родными братьями и зятем Шуркой (мужем папиной сестры Любки) я запомнил уже несколько отчётливее, так как, подвыпив тёмно-красной вишнёвой наливки из стеклянного графина с прозрачным петушком на дне,

они, как правило, начинали не просто пересказывать какие-то истории из жизни Кирилла Москаленко, но ещё и изображали все описываемые ими события в гримасах и жестах. Кто-то из тех, кто тогда активнее других пересказывал момент ареста Кириллом Семёновичем зловещего Берии, вскидывал перед собой свою правую руку и, будто целясь в стоящую перед ним толстую фигуру в пенсне, несколько раз подряд судорожно нажимал пальцем на курок воображаемого пистолета: «Паф! Паф! Паф!...» И получалось, что это именно наш дедушка Кирилл Семёнович произвёл 26 июня 1953 года тот исторический (как залп «Авроры») выстрел, который оборвал жизнь приводившего в трепет всё население нашей страны Лаврентия Берии и перенаправил судьбу Советского Союза в новое русло...

Но всё это я вспомню только лет через тридцать с лишним, когда Кирилл Семёнович уже будет похоронен на Новодевичьем кладбище, где ему с левой стороны в 22-м ряду на 7-м участке будет выделено место для семейной могилы, на котором похоронят его сына – инженера-полковника Евгения Кирилловича Москаленко (1947–1989) и жену Кирилла Семёновича – Екатерину Васильевну Москаленко (1926–1998). А мне вдруг захочется восстановить легендарную судьбу самого Кирилла Семёновича, перелистав её по страницам документов, книг, воспоминаний и писем, чтобы увидеть, как она разворачивалась, стартовав в небольшом украинском селе на краю Донбасса. Завершая второй том своей книги «На юго-западном направлении», Кирилл Семёнович не удержался и несколько страниц своих воспоминаний посвятил описанию тех мест, где он родился и вырос. Чувствуется, что в его душе жил не только военачальник, но ещё и немного лирик: «Этот уголок Донбасса, – напишет он, – тогда, в начале века, представлял собой бескрайнюю ковыльную степь, изрезанную полями и прочерченную двумя небольшими речушками. По их берегам и раскинулось на много километров большое село Гришино.

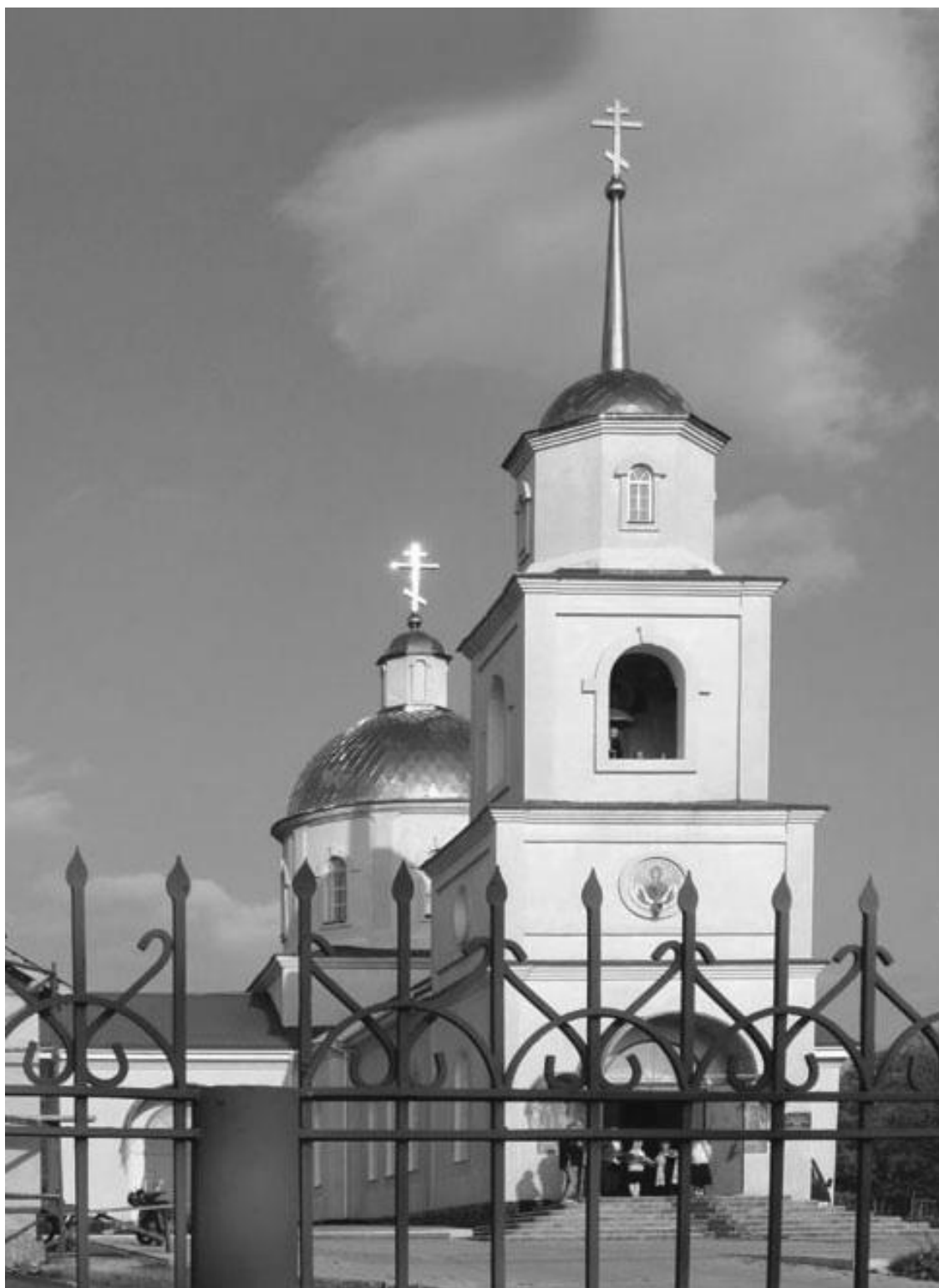
Местность здесь была очень живописная. Летом село утопало в фруктовых садах. По берегам речек росли красивые ивы и вербы. За селом лежали большие пруды, или, как у нас их называли, ставки. У одного из них чудесный лесок. Он был невелик, но в нём росли крупные лиственные и частью хвойные деревья с роскошными кронами и пышной зеленью. Особенно хорошо было укрыться в жаркую погоду в их прохладной тени. Сюда по вечерам и в праздничные дни стекалась молодёжь села. Девчата и парубки затевали весёлые игры и танцы под гармонь, пели чудные песни. Отсюда, как на ладони, была видна вся окружающая местность. Поближе к воде – густая трава, дальше – огороды, лён и конопля. За ними во все стороны – ровная степь и поля, засеянные пшеницей, ячменём и овсом, бахчи с сочными и сладкими дынями и арбузами. Много дичи, степной птицы, перекликавшейся весенней и летней порой на разные голоса. Быть может, о таком уголке когда-то писал Алексей Константинович Толстой:

Ты знаешь край, где всё обильем дышит,
Где реки льются чище серебра,
Где ветерок степной ковыль колышет,
В вишнёвых рощах тонут хутора,
Среди садов деревья гнутся долу
И до земли висит их плод тяжёлый.

Шумя, тростник над озером трепещет,
И чист, и тих, и ясен свод небес,
Косарь поёт, коса звенит и блещет,
Вдоль берега стоит кудрявый лес,
И к облакам, клубясь над водою,
Бежит дымок – синеющей струёю.

Ты знаешь край, где нивы золотые
Испещрены лазурью васильков,
Среди степей курган времён Батыя,
Вдали стада пасущихся коров,
Обозов скрип, ковры цветущей гречи,
И вы, чубы – остатки славной Сечи!..

Многое в этих вдохновенных словах поэта напоминает мне родное село. Но, увы, не все. Наш край действительно "дышал обильем", но лишь для немногих...»

Свято-Покровский храм в с. Гришино

Таким образом, из этой пространной цитаты видно, что, несмотря на свою сугубо воинскую судьбу (шутка ли, с 1920 по 1985 год – он находился в армии!), дедушка мой был вовсе не чужд лиризма, о чём, собственно говоря, он и сам несколько далее проговаривается, сообщая, что «почти каждый год получал похвальные грамоты за успехи в учёбе и книги, много книг – собрания сочинений Пушкина, Лермонтова, Гончарова, Тургенева, Данилевского и Льва Толстого. Так, – уточняет он, – я стал обладателем небольшой, но драгоценной для меня биб-

лиотеки. Книги были моими друзьями с тех пор, как помню себя. Им отдавал всё свободное время. Перечитал почти всю нашу сельскую библиотеку, обменивался книгами со сверстниками. Читал, в общем-то, бессистемно, всё, что попадётся. Но в то же время, как я теперь понимаю, бессознательно искал в книгах ответы на жгучие вопросы, с которыми сталкивала жизнь, невольно сравнивал прочитанное с тем, что видел вокруг себя...» А о том, что ему открывала лежавшая вокруг жизнь, он и писал в своём двухтомнике «На юго-западном направлении», восстанавливая в памяти прожитые им эпизоды, увиденные пейзажи и текущую через его душу историю:

«Село Гришине возникло ещё в екатерининские времена, когда в эти места, тогда пустовавшие, двинулись переселенцы, по большей части беглые крепостные, русские и украинцы, а также поляки, греки, болгары, искавшие лучшей доли. Селились здесь также и запорожские казаки. Екатерина II по-своему определила судьбу этого края. Крепостничества здесь не было, но всё же лучшие земли и все природные богатства попали в руки помещиков и богатых колонистов, главным образом, немецких и польских, таких, как Вестингауз, Судерман, Винц, Классин, Роговский, Ковалевский. Были здесь и крупные русские землевладельцы – Ларин, Перепечай и другие.

Помещики стали обладателями тысяч и десятков тысяч десятин земли. От 100 до 1000 десятин имели немецкие колонисты. На основную же массу населения, в том числе и жителей нашего *села*, распространялась норма – 1,5–2 десятины «на душу», причём, эти наделы выделялись на самых неудобных, наименее плодородных участках.

Чтобы прокормить семью, большинство крестьян было вынуждено уходить на заработки – наниматься к помещикам и колонистам, а позднее – на железную дорогу, шахты и другие предприятия.

Промышленный подъём здесь начался уже на моей памяти, с 1910 года. Строились новые ответвления от Екатеринбургской железнодорожной магистрали, сооружалась железная дорога Гришине – Ровно через Павлоград. В Дружковке, Константиновке, Горловке, Макеевке, Юзовке возникали предприятия металлургической, стекольной и других отраслей промышленности. Появились угольные шахты в районе станции Гришине, сёл Ново-Экономическое, Ново-Троицкое и в других местах. Все они принадлежали крупным капиталистам, акционерным обществам.

Рос пролетариат. Большинство рабочих состояло из пришлого крестьянского населения Курской, Рязанской, Орловской, Тверской, Казанской и других губерний. Но были среди них и многие местные крестьяне, в том числе и из нашего села. Часть их постоянно работала на промышленных предприятиях, другие нанимались на сезон.

В Гришине было несколько тысяч дворов, разместившихся улицами, на которых издавна отдельно расселились жители разноплеменного, многоязычного села. Были и «смешанные» улицы, где рядом жили люди различных национальностей. Жили дружно, связанные общностью трудовой судьбы, помогали друг другу в беде. Вместе переживали радости и горести. Горести шли от власти имущих. Помещики и колонисты платили за работу грош – по 30–35 копеек в день. Труд же был тяжёлым, изнурительным. Машин тогда не знали. Всё делалось вручную. Но ещё горше был произвол богатеев. Крестьяне задыхались от безземелья, но не могли воспользоваться даже пустующими участками, так как они принадлежали либо помещикам и колонистам, либо промышленникам.

А нередко у крестьян отбирали даже те клочки земли, которые у них были. Жалобы не помогали, так как закон был на стороне богатых. Да и сами крупные землевладельцы, не задумываясь, чинили расправу над мужиками.

Не избежала её и наша семья. Однажды, когда мы с отцом работали в поле, подъехал помещик Ковалевский со своей челядью. Они отрезали часть земли от нашего небольшого участка и запретили запахивать её. Отец протестовал. Тогда Ковалевский схватил плетё и

начал избивать его. Помещик со своим управляющим и объездчиками повалили отца на землю и долго истязали его плетями, кулаками, ногами. Мы, малые дети, плакали, кричали, умоляли не бить отца. Но только после того, как он был весь залит кровью, изверги бросили его в овраг и уехали. Мы с трудом подняли потерявшего сознание отца и на бричке увезли домой.

Так расправлялись помещики с каждым, кто не только противился их произволу, но хотя бы лишь в чём-то не соглашался с ними.

После учинённой расправы отец мой долго болел. А вскоре произошло ещё одно несчастье. Ремонтируя вместе с односельчанами церковь, он упал с большой высоты и разбился. После этого он прожил недолго. Мне было 9 лет, когда отец умер. Я хорошо помню его: худощавый, выше среднего роста, с небольшой тёмно-русой бородой и усами, в которых пряталась мягкая, добрая улыбка, сильные, не знавшие отдыха, руки. Жизнь отца была тяжёлой, полной горьких утрат и забот. Рано потеряв первую жену, а затем и вторую, он остался вдовцом с четырьмя детьми. Но вскоре женился в третий раз. Это была моя мать.

Она помнится мне такой, какой была в моём детстве, – молодой чернобровой украинкой, красивой, с пышной чёрной косой. Ей тоже досталась нелёгкая доля, обычная для того времени. Девочкой батрачила у помещиков. А выйдя замуж, совсем юной взяла на себя заботы о целой куче малышей. Потом пошли ещё дети, и жилось всё труднее. Немного полегче стало, когда старшие подросли, да и младшие смогли помогать в работе.

До смерти отца мы, дети, даже не знали о том, что являемся сводными братьями и сёстрами. Родители никогда об этом не говорили, им хотелось, чтобы мы чувствовали себя родными, были дружны. Сами работая буквально от зари до зари, они и в нас воспитывали любовь к труду, к людям труда, друг к другу.

Была ещё одна черта в их отношении к жизни, накладывавшая сильный отпечаток на весь уклад семьи. Нам, детям, они прививали не только уважение к старшим, но и смирение перед существовавшими общественными порядками, «установленными богом», покорность сильным мира сего. Конечно, это не только шло от веры, хотя они, как и большинство крестьян в то время, были очень религиозны, но и являлось данью введшемуся в душу простого народа чувству незащитности перед властью имущими.

Но это чувство, да и религиозность семьи оказались непрочными. Они основательно пошатнулись после расправы помещичьей своры над отцом и окончательно рухнули с его смертью.

Со смертью отца, лишившей нас кормильца, многое резко изменилось. Семья постепенно распалась. Старшие дети отца ушли от нас. Мать осталась с двумя дочерьми и двумя сыновьями, из которых я был старшим. Так в свои 9 лет мне, по крестьянским обычаям того времени, пришлось стать главой семьи, её кормильцем.

К тому времени я окончил два класса 4-классной сельской школы и мечтал о дальнейшей учёбе. Теперь эта мечта была под угрозой. И всё же школу я не бросил. Летом работал в своём хозяйстве, помогал сёстрам и матери на разных работах – то пастухом, то погонщиком, выполнял и другие работы, а зимой учился. Учился я увлечённо. С отличием окончил 4-классную школу и затем 5-й и 6-й классы в так называемом министерском училище, тоже расположенном в нашем селе...

Поблизости от нашего села было много богатых поместий с красивыми парками и роскошными помещичьими усадьбами. Их владельцы большей частью жили в Петербурге или за границей, а сюда приезжали время от времени, чтобы попировать, поохотиться. И тогда все ночи напролёт сверкали огнями помещичьи дворцы, рекой лилось вино, по степи носились верхом и катались в экипажах праздные люди. Во взглядах, которые они мимолётно бросали на простой люд, были высокомерие, презрение.

А рядом шла иная жизнь, полная тяжкого труда и лишений. Её я видел и в нашем селе, и в богатых поместьях, где батрачили многие из нашей родни, в том числе и мои сёстры. Тех

из них, кто работал там постоянно, родители иногда навещали, взяв меня с собой. И я видел изнурённых трудом людей, заработок которых был ничтожным.

Ездили мы и к родственникам, работавшим на шахтах и заводах, на железной дороге. Им жилось не лучше, но там, уже будучи подростком, школьником, я чувствовал какую-то иную атмосферу – протеста, решимости отстаивать свои человеческие права. Приезжали и к нам родственники и знакомые из рабочих посёлков, причём, бывало и так, что это были участники революционных выступлений, укрывавшиеся от преследования полиции.

Затаив дыхание, слушал я их рассказы о борьбе рабочих против бесправия и произвола хозяев, о революционном движении.

То было время, когда уже прогремели грозные раскаты 1905 года. И хотя за ними последовали жестокие репрессии властей, ничто уже не могло погасить в народе растущее сознание необходимости революционной борьбы за лучшую долю. Бунты то и дело вспыхивали и в Екатеринославской губернии. Случались они и у нас в селе, и на железнодорожной станции Гришине. Начинаясь, как правило, в рабочих районах, они затем охватывали и многие сёла.

В накалённой атмосфере тех лет достаточно было искры, чтобы вспыхнуло пламя.

Помню, в 1912 году, во время празднования столетия освобождения России от нашествия Наполеона, были устроены торжества и в нашем селе. В церкви и возле неё собралось множество крестьян со всей округи. Учителя привели туда и нас, школьников. После богослужения хор запел «Боже, царя храни», а в это время к церкви подъехало несколько подвод с опоздавшими крестьянами. Вновь прибывшие то ли не успели, то ли не торопились снять шапки, и полицейские бросились избивать их плетью. Поднялся невообразимый шум. Крики и брань полицейских, стоны избиваемых заглушили хор.

И тут произошло то, чего никак не ожидали блюстители порядка. На них ринулась огромная толпа, собравшаяся на торжество. Теперь, чем попало, колотили полицейских. Разгневанная толпа была готова их растерзать, и остановить её удалось только под угрозой огнестрельного оружия. Торжество, устроенное с целью внушить народу верноподданнические чувства к царю, было сорвано. Подавляющее большинство присутствовавших с гневом покинуло церковь. Разбежались по домам и мы, дети, с молчаливого согласия учителей, которые в большинстве также ушли, глубоко возмущённые произволом властей. Для взбунтовавшихся этот день оказался печальным: многих из них арестовали, бросили в тюрьмы, отправили в ссылку...

Многие одновременно с учёбой трудились, чтобы помочь родным. А вскоре наступил момент, когда почти каждому из них пришлось, подобно мне, быть в семье “за взрослого” и выполнять самые тяжёлые работы.

В 1914 году разразилась первая мировая война. Каждый день людей отправляли на фронт. В селе не осталось взрослых мужчин. Некому и нечем было обрабатывать землю, нечего было есть. Царское правительство забирало для армии хлеб, скот, лошадей. Чем дольше длилась война, тем тяжелее становилась жизнь народа. Затеяв эту чуждую интересам масс войну, царское правительство оказалось и неспособным вести её. Армия под бездарным руководством терпела поражения на фронте, несла бесчисленные напрасные потери и, в конце концов, начала разваливаться. А в тылу рабочие и трудовое крестьянство остались без хлеба.

Всё чаще вспыхивали забастовки, голодные бунты. Обстановка в стране и на фронте накалялась. Конечно, я не понимал тогда в полной мере смысла происходивших событий. А те, кто мог их объяснить, например некоторые из учителей, предпочитали не делать этого, не втягивать нас, учащихся, в “опасные разговоры”.

Поэтому весть о Февральской революции была для нас, как и для большинства взрослых, неожиданной. Первыми в нашей семье узнали о ней невестка Оксана, жена брата Григория, ушедшего на фронт, и моя старшая сестра Татьяна, муж которой погиб на фронте. Они успели побывать на сходке и, вбежав в дом, в один голос, захлебываясь от возбуждения, крикнули:

– Революция у нас, царя Николая свергли!..

Нам с матерью это показалось настолько невероятным, что мы сначала не поверили. Но тут прибежали соседи и всё подтвердили. Радости не было конца. Повсюду в селе собирались группы людей, возбуждённо обсуждали необыкновенную новость, радуясь ей и поздравляя друг друга, как с большим праздником. Теперь-то, надеялся каждый, прекратится, наконец, война, и простой люд обретёт свободу.

Шло время, а ожидания не сбывались. Всё оставалось по-прежнему.

Февральская революция не облегчила положения ни на фронте, ни в тылу. Повсюду царил развал, а власти кричали о “войне до победного конца”. Им вторили ездившие тогда по городам и сёлам эсеры, меньшевики, кадеты. Приезжали они и к нам, устраивая митинги и собрания под псевдопатриотическими лозунгами.

Но звучали и другие голоса. На одной из сходок, часто проводившихся тогда на сельской площади, я, стоя в толпе крестьян, услышал выступления трёх большевиков – нашего односельчанина Д.Я. Воробьёва и двух приезжих рабочих. Они требовали прекращения войны, передачи заводов и фабрик рабочим, а земли крестьянам без выкупа. Их выступления произвели столь сильное впечатление на большинство участников митинга, что они не желали и слушать эсеров и меньшевиков.

В те бурные дни начались и первые схватки с помещиками. Крестьяне пытались захватить пустующие земли, но делали это пока в одиночку и безуспешно. Даже мы, юнцы, участвовали в таких набегах, но возвращались, как говорят, не солоно хлебавши, да ещё побитые плетями помещичьей охраны. Так мы на своей спине почувствовали, что власть осталась за богатеями.

Но повсюду, где трудились люди, – на полях, заводах и фабриках, на железных дорогах – чувствовалось нарастание грозы. Приближалась Октябрьская революция.

Вместе с тем продолжались повседневные будничные заботы. Гришинской волости давали ежегодно две стипендии в сельскохозяйственное училище, позднее преобразованное в сельхозинститут. Оно находилось на станции Яма нашего Бахмутского уезда. И вот одну из этих стипендий предоставили мне, поскольку я окончил с отличием министерское училище. Осенью 1917 года я сдал вступительные экзамены и стал студентом.

Здесь же тогда учился будущий выдающийся украинский поэт Владимир Сосюра¹ и – на старших курсах – мои односельчане Иван Зверев и Кузьма Слипенко, тоже стипендиаты. С последним из них я встретился в 1969 году в Москве, и было радостно и грустно вместе, спустя полвека, вспомнить детские и юношеские годы, когда мы готовились стать агрономами.

Одновременно с учёбой мы выполняли различные полевые работы. В этом и заключалась особенность жизни стипендиатов, отличавшая нас от “своекоштных”, т. е. тех, кто учился на свои средства. Мы даже в каникулы обязаны были работать в поле или на скотном дворе имения, принадлежавшего училищу, а после окончания учёбы нам предстояло несколько лет “отрабатывать” стипендию.

Едва начались занятия, как до нас докатилась весть об Октябрьской революции, и в училище прошла волна бурных студенческих собраний и митингов, душой которых стали Сосюра и старшекурсник Каменев. Они вошли и в состав ревкома, избранного на одном из митингов. В тот день занятия были прерваны, и все пришли в большой актовый зал. Выступал Владимир Сосюра. Под бурные восторженные возгласы собравшихся он сообщил, что в Питере произошла социалистическая революция, власть перешла в руки рабочих и крестьян.

Чтобы представить атмосферу, в которой проходил митинг, и боевое настроение его участников, отмечу, что тут же было принято решение подвергнуть аресту директора училища

---

¹ Родился он 6 января 1895 года в городе Дебальцево Донецкой области. С 1917 по 1918 год учился вместе с К. С. Москаленко в сельскохозяйственном училище на станции Ямы Бахмутского уезда. Впоследствии, будучи юношей, он участвовал в гражданской войне – сначала был в рядах за УНР [Украинская Народная Республика], но впоследствии перешёл на сторону войск Красной армии. – Н.П.

Фиалковского. Не знаю, было ли оно осуществлено и как в дальнейшем сложилась судьба этого человека. Но хорошо помню, что в училище многое переменилось. Словно буря захлестнула всю его жизнь. Кончилось тем, что нас всех распустили зимой, в самый разгар учёбы, на каникулы. Вскоре занятия возобновились, хотя и с перерывами, во время которых мы снова разъезжались по домам.

А вокруг продолжали бурно развиваться события. Крестьяне громили и жгли крупные имения. Повсеместно рождались Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, ревкомы. Помещиков и капиталистов арестовывали, накладывали на них контрибуции, отбирали и делили между крестьянами землю.

В первый свой приезд домой я узнал, что и в нашем селе создан ревком, в состав которого вошли большевики Д.Я. Воробьев, Ф. Тищенко, Кандыба и другие. А в январе или феврале 1918 года, когда мне вновь удалось побывать дома, оказалось, что в Гришине и в соседних сёлах Сергеевке, Ново-Экономическом и Гродовке разместились прибывшая с фронта 3-я кавалерийская дивизия. Большевики нашего села и станции Гришине немедленно связались с полковыми комитетами и совместно развернули в эскадронах и батареях революционную агитацию.

Солдаты единодушно откликнулись на призыв покончить с войной, потребовали демобилизации. Часть офицеров воспротивилась этому. Но когда они собрались у крупного гришинского торговца Козодоева, чтобы тайно наметить план срыва требований солдат, последние по распоряжению солдатского комитета окружили козодоевский дом и арестовали наиболее реакционно настроенных офицеров. Вслед за тем дивизия прекратила своё существование. Часть оружия была брошена, остальное увезли с собой солдаты, многие из которых влились в Красную гвардию, чтобы защищать революцию.

Немало лошадей было роздано беднейшим крестьянам. Моей матери солдаты тоже подали коня, и это было для нас большой радостью, как бы символом наступающих лучших времён.

А в это время надвинулась гроза с запада. На Украину хлынули немецкие войска. Они сбивали ещё слабые красногвардейские отряды и шли всё дальше на восток и на юг, грабили и убивали всех, кто им сопротивлялся. В Германию потянулись эшелоны с награбленным зерном, скотом, со всем, что приглянулось захватчикам. За немцами двигались гайдамаки и петлюровцы, восстанавливавшие власть помещиков и капиталистов. Смутное время было на Украине.

Когда по окончании первого курса я приехал на каникулы к матери, оказалось, что немцы и у нас забрали всё подчистую.

К.С. Москаленко в юности

Семье надо было как-то жить, и я принялся за работу. Уходил в поле до рассвета, возвращался затемно. Трудиться я привык с детства, но никогда ещё работа не была так тяжела, как в тот год, когда на Украине хозяйничали немецкие захватчики и контрреволюционные банды. Лошадей у крестьян осталось мало, и они их одалживали друг другу. Поля подверглись как бы нашествию сорняков, и прополка изнуряла.

До изнеможения доводила и молотьба катком.

Но вот окончилось лето. Убран и обмолочен хлеб. Наступила осень, и я возвратился в училище. Занятия по-прежнему шли с перебоями, а вскоре стало трудно и с питанием. Немецкие войска, начав эвакуацию, забрали с собой и все запасы продовольствия у населения.

Но зато вслед за уходившими оккупантами шли отряды красновардейцев. Развёртывалась борьба с контрреволюционными бандами. Было не до учёбы, и в 1919 году я оставил училище. Приехав домой, участвовал в сборе продрозвёрстки, выполнял другие поручения ревкома. А когда пришли деникинцы, расстреливавшие и вешавшие без суда всех подозреваемых в помощи Советам, пришлось скрываться. Наконец, в декабре того же года с приходом регулярных частей Красной Армии прочно установилась Советская власть. Однако гражданская война не была окончена.

В августе 1920 года я вступил в комсомол и вскоре с Тимофеем Цыганенке был принят в отряд Куличенко, оперировавший в наших краях против белогвардейских и махновских банд. Вместе мы участвовали и в первых боях с махновцами в районе Чаплино, Синельниково, Павлоград.

Так началась моя военная служба, не прерывающаяся с тех пор ни на один день вот уже более полувека...»

После боёв с махновцами отряд Куличенко влился в Первую Конную армию под командованием Семёна Михайловича Будённого, и в её составе потом громил врангелевские войска в Таврии – под Мелитополем, Большим Токмаком и в Крыму. Не случайно в том же году появился знаменитый «Марш Будённого», который написали поэт Анатолий Д'Актиль и музыканты братья Даниил и Дмитрий Покрасс, увековечившие своей песней историю Конармии и её командармов:

...Будённый – наш братишка,

С нами весь народ.
Приказ: «Голов не вешать
И глядеть вперёд!»
Ведь с нами Ворошилов,
Первый красный офицер,
Сумеем кровь пролить
За СССР.

Веди, Будённый нас смелее в бой!
Пусть гром гремит,
Пускай пожар кругом:
Мы – беззаветные герои все,
И вся-то наша жизнь есть борьба!..

Высoko в небе ясном
Вьётся алый стяг.
Мы мчимся на конях
Туда, где виден враг.
И в битве упоительной
Лавиною стремительной —
«Даёшь Варшаву!»
«Дай Берлин!» —
Уж врезались мы в Крым!

Веди, Будённый нас смелее в бой!
Пусть гром гремит,
Пускай пожар кругом:
Мы – беззаветные герои все,
И вся-то наша жизнь есть борьба!..

Будучи уже маршалом Советского Союза, Кирилл Семёнович Москаленко писал, что служба в Конармии закалила его, молодого тогда комсомольца, воспитала волю, смелость, настойчивость, мужество, привила любовь к Советской Родине и к своему любимому роду войск – кавалерии.

В декабре 1920 года его и нескольких других молодых бойцов направили на курсы комсостава в город Луганск. Но там они учились недолго. Вскоре весь личный состав курсов был брошен на ликвидацию банд Каменюка и «Маруси», бесчинствовавших в то время в донских и луганских степях. После их разгрома, состоявшемся в феврале 1921 года, Москаленко направили в 5-ю Харьковскую артиллерийскую школу, которая была одним из лучших средних военно-учебных заведений того времени. Она имела отборный профессорско-преподавательский состав, входившие в который военные специалисты обладали широкими познаниями и опытом. Во время учёбы в ней курсанты неоднократно привлекались к борьбе с бандами на Харьковщине и Полтавщине.

В сентябре этого года Москаленко вместе с воинской частью был переведён в город Брянск. В то время воины гарнизона шефствовали над брянским заводом «Красный Профинтерн» (ныне производственное объединение БМЗ), и Кирилл Семёнович в этот период неоднократно посещал завод. В знак признательности его деятельности Кириллу Семёновичу было присвоено звание почётного кузнеца завода.

После участия в боях против войск генерала Врангеля на юге Украины и в Крыму, Кирилл Семёнович сражался с различными вооружёнными формированиями на Дону и Северном Кавказе.

В 1922 году, сдав с отличием все экзамены, он был направлен вновь в 1-ю Конную армию, но уже не рядовым бойцом, а командиром взвода конно-артиллерийского дивизиона 6-й Чонгарской кавалерийской дивизии. К тому времени гражданская война закончилась, и лишь на Дальнем Востоке, в Средней Азии и кое-где на Северном Кавказе ещё продолжалась ликвидация контрреволюционных банд. В этих боях довелось поучаствовать и Москаленко, так как 1-я Конная армия в составе 4-й Ленинградской, 6-й Чонгарской, 5-й Блиновской и 14-й Майкопской дивизий находилась на Северном Кавказе. Последней такой операцией на Северном Кавказе для него была ликвидация банд князя Джентемирова.

С начала 1923 года его перевели в Армавир, поближе к штабу дивизии. Зимой дивизион размещался в городе, в хороших казармах, расположенных у впадения прозрачной реки Уруп в мутную, бурную Кубань. Летом вместе со всей артиллерией 1-й Конной армии он выезжал в Персияновские лагеря близ города Новочеркасска. Все дни там были заполнены конной и артиллерийской, а также тактической и строевой подготовкой, да ещё политическими занятиями.

Политсостав, коммунисты были тогда в Красной Армии той мощной цементирующей силой, которая сплачивала весь личный состав в единый организм, в армию нового, революционного типа. Осознавая это, в 1923 году Кирилл Семёнович Москаленко в станице Урупской был принят в кандидаты партии большевиков.

С августа того же года по сентябрь 1924-го Кирилл Семёнович временно исполнял обязанности помощника командира батареи. С мая 1925 года он был уже командиром батареи, а с 1926 года служил в Белорусском военном округе, где командовал артиллерийским взводом, а потом был временно исполняющим должность командира учебной батареи.

В феврале 1926 года Москаленко довелось познакомиться с Михаилом Ивановичем Калининным, приезжавшим в Брянск и Бежицу, и, как потом Кирилл Семёнович описывал это памятное время, «в числе других я сопровождал его на завод имени Профинтерна, где ещё в 1919 году ему пришлось бороться с засильем эсеров. Рассказывал он об этом очень интересно, образно, и мы все с увлечением слушали его, радуясь встрече с ним, одним из выдающихся деятелей нашей партии».

Далее он сообщает, что в 1926 году в Брянске его приняли в члены ВКП(б), и тут же рассказывает об одном весьма немаловажном событии: «Вместе с трудящимися Брянска довелось нам пережить и большое горе, постигшее 21 января 1924 года нашу партию, страну и весь советский народ. Умер Владимир Ильич Ленин. Когда его хоронили в Москве, у нас, как и повсюду в стране, всё движение остановилось, люди замерли в скорбном молчании, глухо и тревожно звучали прощальные гудки паровозов, заводов и фабрик. Революция, Советская власть, разгром её внутренних и внешних врагов, строительство новой жизни – всё это было для каждого из нас связано с именем Ленина. И теперь, когда его не стало, всех нас, потрясённых непоправимой утратой, охватило такое волнение, что казалось – сердце не выдержит, разорвётся...»

В 1928 году Москаленко заканчивает Артиллерийские курсы усовершенствования командного состава РККА в городе Детское Село и становится командиром учебной батареи. Вскоре он назначается командиром дивизиона, а позднее начальником штаба полка. А в 1931 году участвует вместе с дивизией в больших Белорусских манёврах.

Москаленко не раз принимал участие в крупных учениях – и сразу же после гражданской войны, и в 1930-е годы: сначала на Украине под руководством М. В. Фрунзе, потом на Северном Кавказе под руководством К. Е. Ворошилова, затем в Белоруссии под командова-

нием М.Н. Тухачевского и И.П. Уборевича, на Дальнем Востоке – при участии В. К. Блюхера, потом опять на Украине – под руководством И. Э. Якира. (Почти все из выше перечисленных командармов в 1930-е годы были обвинены в участии в военно-политическом заговоре против СССР и расстреляны в ходе сталинской чистки; казни избежал только М. В. Фрунзе, умерший в результате сомнительной операции, а в живых остался единственно Климент Ворошилов].

На манёврах и учениях войны приобретали опыт в ведении боёв и операций в современной войне с новыми по тому времени техническими средствами борьбы и новыми родами войск: авиацией, бронетанковыми и воздушно-десантными войсками.

В 1932 году Кириллу Семёновичу пришлось расстаться с Чонгарской кавалерийской дивизией. Он прослужил в ней 11 лет (правда, с несколькими перерывами на время учёбы]. Тяжело ему было уезжать из ставшей родной дивизии, в которой он начал свою службу в армии и которая была для него и домом, и школой жизни.

Однако, получив новое назначение в 1-ю особую кавалерийскую дивизию отдельной Краснознамённой Дальневосточной армии, Москаленко выехал в Забайкалье – сначала в город Читу, а потом на станцию Хадабулак.

Вспоминая о своей службе в кавалерийской дивизии, Кирилл Семёнович впоследствии говорил следующее:

«Расскажу об одном эпизоде, показывающем силу этой привязанности к коню.

Ещё в 1931 году 3-й кавкорпус, в котором я тогда служил, занял первое место в Красной Армии по огневой подготовке. Командир корпуса С. К. Тимошенко был премирован легковой машиной, а командиры дивизий, полков и начальники штабов – верховыми лошадьми молодого привода "на выбор". Мне повезло, и я оказался обладателем великолепной лошади Тракенки, однако вскоре чуть было не лишился её.

Любой кавалерист поймёт, что значила для меня, прослужившего к тому времени в кавалерии уже 11 лет, хорошая лошадь. Тем более, что у нас в дивизии я считался опытным наездником. А это было нешуточным признанием, ибо дивизия славилась лихими кавалеристами, и нас не раз приглашали показать перед жителями городов, где мы стояли, своё искусство: фигурную езду, скачки с препятствиями, рубки и т. п.

И вот однажды прибыл к нам для проверки полка командир корпуса С. К. Тимошенко. Он служил в кавалерии ещё в царской армии, а потом прошёл в коннице всю гражданскую войну и последующий период. После проверки полка, в котором я тогда исполнял должность командира, он сказал мне:

– Слышал я, что у тебя хорошая лошадь, одна из лучших в корпусе. Покажи.

Стараясь скрыть охватившее меня волнение, я приказал коноводу-ординарцу оседлать и подвести коня. Тимошенко пожелал, чтобы я проехал сначала шагом, потом учебной и строевой рысью. Далее он приказал продемонстрировать манежную езду, перемену направлений, галоп, испанский шаг, боковые принимания и многие другие приёмы выездки молодой лошади. Когда я всё это проделал, он похвалил. Меня же всё время мучила мысль: отберёт. Видимо, об этих переживаниях можно было догадаться по моему лицу. И командир корпуса понимающе усмехнулся:

– Лошадь прекрасная, отлично выезжена, – сказал он. – Отбирать же её у тебя не буду. В коннице это не принято. Да и жидковата она для меня.

Но, думаю, она запала ему в душу надолго. Уже в 1942 году, когда Семён Константинович был командующим Юго-Западным фронтом, а я – командующим 38-й армией, он напомнил мне о той лошади...»

В январе 1933 года Москаленко был направлен на Дальний Восток на должность начальника штаба конно-артиллерийского полка 1-й особой кавалерийской дивизии Забайкальской

группы войск Особой Краснознамённой Дальневосточной армии (ОКДВА) под Читой, а с ноября 1934 года он был командиром этого полка.

Здесь хотелось бы упомянуть об одном не военном, но характерном для Москаленко эпизоде, связанном с погибшим

1 декабря 1934 года Сергеем Мироновичем Кировым, о чём тогда стало быстро известно в войсках. Об этом рассказывает Сергей Исаакович Гольштейн – сын кадрового военного, родившийся в 1936 году в городе Каменец-Подольском на Украине. Там, пишет он, в 1930-х годах мой отец Исаак Григорьевич проходил службу в полку, которым командовал будущий маршал Советского Союза Кирилл Семёнович Москаленко. «И когда 1 декабря 1934 года в Ленинграде был убит Киров, Москаленко, говорит он, сказал моим родителям: "Если у вас родится ещё один мальчик (а его старшему брату Михаилу было тогда шесть лет. – *Н.П.*), назовите его в честь Сергея Мироновича".

Совет командира – это приказ для подчинённого. Почти через два года, в 1936-м году, и появился на свет я – Серёжа». Названный так в честь двух знаменитых людей нашего Отечества – в знак памяти Сергея Мироновича Кирова и по наказу Кирилла Семёновича Москаленко.

С 1935 года Кирилл Семёнович командовал 23-й танковой бригадой в Приморском крае. Кто-кто, а он, хотя и любил всей душой лошадей, но в то же время хорошо понимал необходимость механизации армии, неспроста же он изучал вождение танков БТ-7 и Т-26, и умел вести из них прицельный огонь. С мая того же 1935 года он становится начальником артиллерии бригады, дивизии и корпуса.

Трижды любимая Москаленко Краснознамённая 6-я Чонгарская дивизия имела славные боевые традиции. За героические боевые действия по разгрому белогвардейцев и интервентов на фронтах гражданской войны все её полки были награждены орденами Красного Знамени. И дивизия, и полки имели почётные боевые Красные Знамена Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. В 1935 году, в день пятидесятилетия 1-й Конной армии, дивизия получила высшую награду – орден Ленина.

На учениях, как говорил Кирилл Семёнович, он и его воины старались не ударить в грязь лицом. Артиллерийские стрельбы и конноспортивные соревнования прошли хорошо. Ими остались довольны и приехавшие на учения командующий Северо-Кавказским военным округом К. Е. Ворошилов, и командарм С. М. Будённый. В статье, опубликованной вскоре в «Комсомольской правде», Семён Михайлович дал учениям высокую оценку. В газете была помещена также фотография участников конноспортивных состязаний, занявших призовые места. Среди них посчастливилось быть и Кириллу Москаленко, о чём он написал позднее в своих воспоминаниях:

«В те дни я, временно командовавший 3-й батареей, был представлен Клименту Ефремовичу Ворошилову. Он улыбнулся:

– Такой молодой и уже командует батареей?

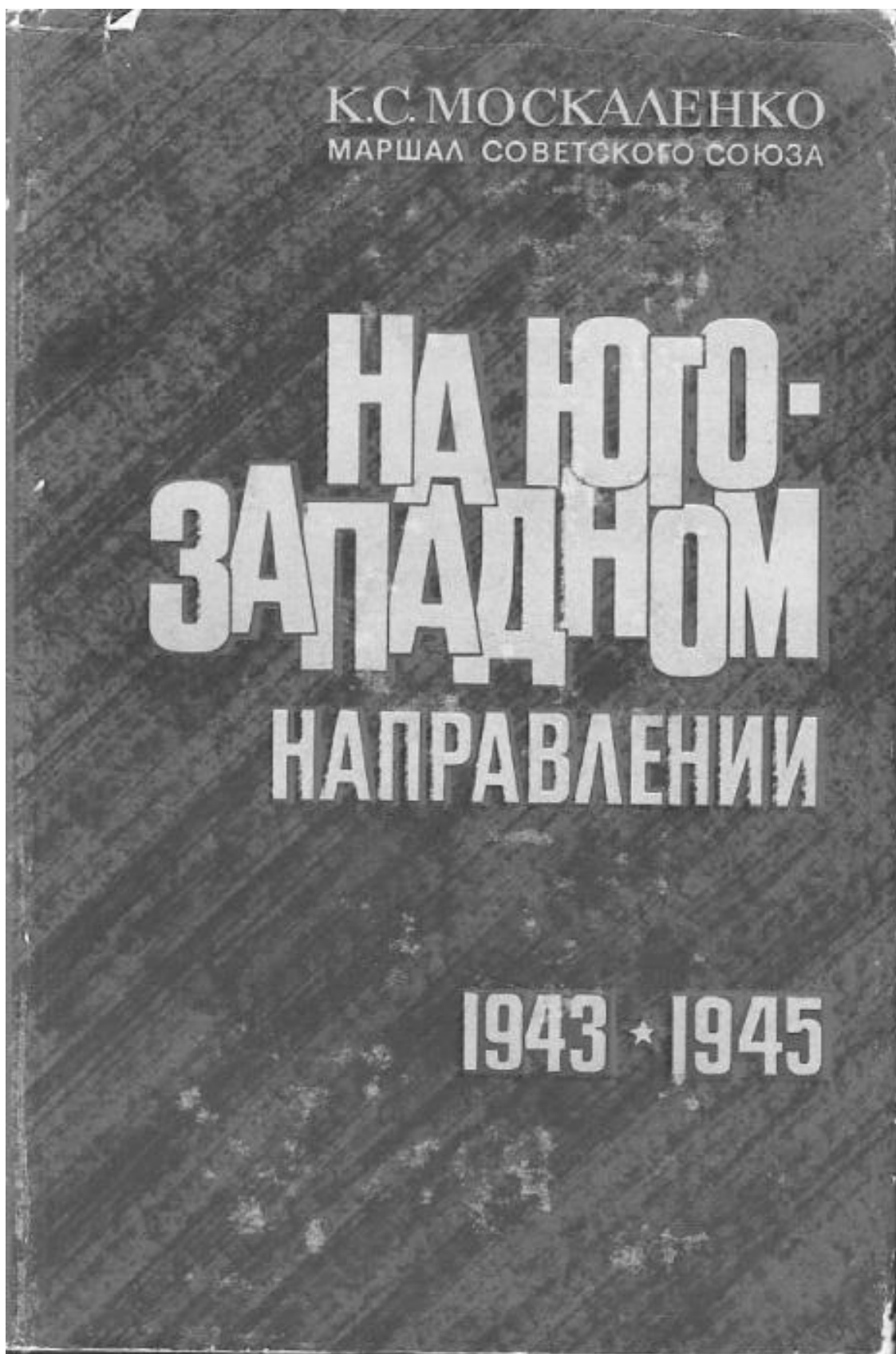
В то время в артиллерии было мало молодых специалистов на командных должностях. Климент Ефремович подробно расспросил, давно ли службу, где учился. Ознакомившись с состоянием дел в батарее, выразил удовлетворение. Я счёл нужным доложить, что у нас пала от сибирской язвы лошадь помощника командира батареи. В то время это было происшествие чрезвычайное, и Климент Ефремович тотчас же приказал в течение 6 часов вывести личный состав и лошадей в поле, объявить карантин. А поздно вечером вместе с Семёном Михайловичем Будённым приехал проверить, как выполнено приказание. Найдя нас в открытой степи, где мы уже успели оборудовать для себя небольшой лагерь, поблагодарил за быстроту и распорядительность...»

С начала 1936 года Москаленко служил в 45-м механизированном корпусе Киевского военного округа, а с ноября 1936 года находился в этой же должности в 133-й механизированной бригаде 2-го механизированного корпуса в Киевском военном округе.

16 августа 1938 года Кириллу Семёновичу Москаленко было присвоено воинское звание полковника. В его аттестации за этот год командование отмечает, что он: «волевой, энергичный, инициативен, решительный и настойчивый в проведении своих решений в жизнь...»

В 1939 году он был назначен начальником артиллерии 51-й Перекопской стрелковой дивизии Одесского военного округа, с которой участвовал в советско-финской войне 1939–1940 годов, за что был награждён орденом Красного Знамени. Затем последовательно он начальник артиллерии 35-го стрелкового корпуса (Кишинёв] и 2-го механизированного корпуса (Тирасполь].

К.С. Москаленко. На Юго-Западном направлении. Книга

В том же 1939 году Москаленко учится на Курсах усовершенствования высшего комсостава при Артиллерийской академии имени Ф. Э. Дзержинского. А с мая 1940 года служит

начальником артиллерии 35-го стрелкового корпуса, принимавшего участие в походе Красной Армии в Бессарабию. О своей жизни в этом цветущем краю Кирилл Семёнович писал в своей двухтомной книге воспоминаний «На юго-западном направлении», где, в частности, говорил:

«Последнюю предвоенную весну я встретил в Молдавии. Помню, пышно цвели сады. Ещё недавно спокойные реки бурлили половодьем. Ожили поля, виноградники. С восходом солнца на них закипала работа, радостная, с песней и весёлой шуткой. Возвращались люди по вечерам тоже с песней. И до поздней ночи в сёлах не умолкала музыка, кружилась в танце молодёжь.

Так хороша была та молдавская весна, что не раз становилось грустно при мысли о предстоящем отъезде.

Служба то и дело бросала меня, как, впрочем, и многих других военных, из конца в конец страны. Сначала на Украину, потом на Кавказ и в Белоруссию, оттуда в Сибирь, на Дальний Восток. Довелось мне служить и учиться в Ленинграде. Затем возвратился на Украину, но ненадолго: перевели в Молдавию. А теперь предстояло попрощаться и с этим полюбившимся мне краем...»

Молдавским банкирам, которые в 1940 году участвовали в присоединении к СССР Северной Буковины и Бессарабии, довелось принять от генерала Москаленко клад, обнаруженный им в Кишинёве. Во время своей службы там Кирилл Семёнович, получив служебную квартиру в городе, обнаружил в ней большое количество драгоценностей, о сдаче которых в тамошний банк свидетельствует сохранившаяся до сих пор расписка банковского скупщика, которую приводит в своей статье «Когда расстреляете, можете распоряжаться деньгами» Евгений Жирнов:

«Я, Салита Янкель Лейбович, подтверждаю, что в октябре-ноябре месяце 1940 года как оценщик и скупщик драгоценных металлов Горуправления Кишиневского Госбанка принял от генерала Москаленко К. С. по описи, насколько мне помнится, следующие драгоценности (найденные Москаленко в полученной им в Кишиневе квартире): золотые монеты различного достоинства в количестве 203 штуки общим весом в два килограмма и 933 грамма, на что была выдана квитанция и составлен акт в трёх экземплярах, из коих один был передан в банк, второй был вручён генералу Москаленко и третий совместно с драгоценностями был послан в Москву.

Примерно через 2–3 дня я принял также по описи от одной гражданки, которая оказалась супругой генерала Москаленко К.С., несколько драгоценных предметов, в том числе около двадцати штук золотых монет различного достоинства. Этими предметами, насколько мне помнится, были следующие:

1. Одна пара мужских часов платиновых с бриллиантом (так написано в акте!) в крышке.
2. Две или три пары дамских золотых часов.
3. Одна пара платиновых запонок с бриллиантами.
4. Различные золотые кольца с драгоценными камнями.
5. Одна вязка (десять-двенадцать штук) золотых колец с бриллиантами.

Кроме того, были ещё некоторые драгоценности, о которых подробностей я не помню...»

Этот документ достаточно ярко свидетельствует о чести и совести Кирилла Семёновича Москаленко, который мог бы достаточно быстро обогатиться, оставив свалившееся ему с неба прямо в руки дармовое золото, а он без малейших колебаний передал обнаруженный клад государству. Многие другие военачальники везли себе после окончания войны из Берлина всяческое добро вагонами, включая нашего знаменитого маршала Г. К. Жукова, который, по признанию органам госбезопасности его адъютанта Сёмочкина, «тайком привёз из Германии чемодан и шкатулку с драгоценностями».

(Впоследствии Сталину был составлен Абакумовым перечень вещей, доставленных Жуковым из Германии, среди которых были 17 золотых часов с камнями, 15 золотых кулонов и колец, из которых 8 с драгоценными камнями, один золотой брелок с большим количеством

драгоценных камней, а также золотые портсигар, цепочки и браслеты, серьги с драгоценными камнями другие вещи. Две комнаты дачи Жукова были превращены в склад, где хранится огромное количество различного рода товаров и ценностей – 4000 метров шерстяных тканей, шёлка, парчи, панбархата и других материалов, 323 соболевых, обезьяньих, лисьих, котиковых, каракульчовых, каракулевых и других шкур, 35 кож высшего качества, 44 дорогостоящих ковров и гобеленов больших размеров, вывезенных из Потсдамского и других дворцов и домов Германии, 55 ценных картин классической живописи больших размеров в художественных рамках, 7 больших ящиков дорогостоящих сервизов столовой и чайной посуды (фарфор с художественной отделкой, хрусталь), 2 ящика серебряных гарнитуров столовых и чайных приборов, 8 аккордеонов с богатой художественной отделкой, 20 уникальных охотничьих ружей фирмы «Голанд-Голанд» и других.

Что касается чемодана Жукова с драгоценностями, о чём говорил арестованный Семочкин, то проверкой выяснилось, что этот чемодан всё время держала при себе жена Жукова, и при поездках всегда брала его с собой...]

Слава Богу, Кирилл Семёнович Москаленко за подобным добром не гнался и свою квартиру дармовым барахлом не загромождал.

4 июня 1940 года он получил звание генерал-майора артиллерии, а с сентября того же года стал начальником артиллерии 2-го механизированного корпуса в Одесском военном округе.

С мая 1941 года Москаленко занимал не просто редкую, а уникальную в своём роде должность – он был командиром 1-й артиллеристской противотанковой бригады РГК (Резерв Главного Командования), которая формировалась в составе 5-й армии Киевского военного округа в Луцке. Служа здесь, он проделал большую работу по доукомплектованию этой бригады, подготовке её частей к действиям в составе противотанкового резерва. Под его руководством было проведено несколько рекогносцировок с выходом на рубежи предполагаемого развёртывания с началом возможных военных действий. Впоследствии он вспоминал: «Бригада истребителей вражеских танков была единственной в Красной Армии, имела на вооружении лучшие по тому времени 76-мм пушки и 85-мм зенитные пушки, которые использовались как для уничтожения воздушных целей, так и для стрельбы по наземным бронированным объектам».

Но потребность в пушках и зенитках возникнет буквально через месяц или полтора, а пока ещё по Волынской земле шла последняя мирная весна 1941 года. Но за её мирной тишиной уже чувствовалось тяжёлое дыхание приближающейся к границам Советского Союза войны.

О том, что Кирилл Семёнович был способен принять абсолютно **самостоятельное**, не только **ни с кем не согласованное**, но и **противоречащее приказу свыше** решение, говорят многие эпизоды из весьма неординарной биографии Кирилла Семёновича Москаленко. Так, по воспоминаниям известного военного журналиста и публициста Давида Иосифовича Ортенберга, ещё за несколько недель до начала войны, уже зная о сосредоточении фашистских войск у нашей границы, он, выступая как-то на партийно-комсомольском собрании, без обиняков рубанул с трибуны **несанкционированную правду**: «Будет война! Надо ждать нападения немцев если не сегодня, то завтра-послезавтра!...» И после этого ждал, что ему за это выступление крепко всыпят – в лучшем случае по командной или партийной линии, а то и вовсе арестуют, как провокатора и сеятеля панических настроений.

Но война уже и вправду была возле самого порога России...

Позднее о последних предвоенных днях на нашей границе Кирилл Семёнович Москаленко в своей мемуарной книге «На юго-западном направлении» писал:

«Однажды Потапов выразил беспокойство по поводу того, что в механизированных корпусах было недостаточно новых танков КВ и Т-34. И тут же спросил, всё ли вооружение

получено бригадой. Я доложил, что прибыла вся материальная часть артиллерии. И добавил, что хотя вместо 107-миллиметровых пушек прибыли зенитные 85-мм, однако по своим тактико-техническим данным они могут быть с успехом использованы против танков. Тем более, что начальная скорость, а, следовательно, и пробивная способность их снарядов выше, чем у 76-мм.

Михаил Иванович внимательно выслушал, удовлетворённо кивнул головой.

– Это очень, очень хорошо, – подчёркнуто сказал он. Помолчал, думая о чём-то. Потом заговорил снова, тихо, спокойно:

– По всему видно, Кирилл Семёнович, что времени у нас с тобой немного. Обстановка очень тревожная. Сосредоточение немцами нескольких десятков дивизий перед нами на границе определённо имеет отношение к нам. Думаю, что фашистское командование готовит против нас не просто провокацию, а что-то похуже...

16 июня генерал Потапов вновь вызвал меня. Когда переговорили о текущих делах, он спросил:

– Читал сообщение ТАСС от 14 июня? Что думаешь по этому поводу?

Люди моего поколения, вероятно, хорошо помнят это сообщение, о котором впоследствии было написано много надуманного. В сообщении указывалось, что слухи о намерении Германии напасть на СССР "лишены всякой почвы". Но это был лишь дипломатический ход, имевший целью выявить реакцию вероятного противника. Правда, такой характер этого сообщения стал ясен много времени спустя.

Тогда же, в середине июня 1941 года, я мог лишь ответить, что сообщение меня удивило. Было бы, мол, прекрасно, если бы на нас не собирались напасть, но что-то не верится в мирные намерения фашистской Германии. Так что полагаю, добавил я, сообщение сообщением, а нам нужно быть начеку.

Михаил Иванович кивнул головой:

– Я тоже так думаю, ведь немцы действительно сосредотачивают против нас много войск.

Помолчав, он сказал:

– У тебя, Кирилл Семёнович, части моторизованные, подбери хороших, грамотных в военном отношении людей, и пошли к границе, пусть произведут рекогносцировку местности и понаблюдадут за немцами, их поведением. Да и для тебя это будет полезно: бригаде надо изучать местность по всему возможному фронту армии. Кто знает, что может быть в дальнейшем.

Когда генерал М. И. Потапов ознакомил меня со всем, и мы простились, я уехал к себе. По пути в лагерь в голову то и дело приходила одна и та же мысль: что готовит противник? А в том, что он задумал недоброе, уже почти не оставалось сомнений. Прибыв поздно ночью в лагерь, я прошёлся по передней линейке, заглянул в палатки. Всё было спокойно, бойцы спали. Потом зашёл в штаб, в свою комнату, просмотрел план занятий на завтрашний день, продумал, что ещё нужно сделать. Однако тревога не унималась, и мысли опять возвращались к нашему разговору с Потаповым. Я испытывал желание с кем-нибудь поделиться своими мыслями. Но время было позднее, и я лёг отдыхать с тревогой в душе...»

Глава вторая

На дорогах войны

Оглядываясь на прошлые годы, Давид Иосифович Ортенберг, описывая начало военных действий с Германией, рассказывал следующее: «Познакомиться с Москаленко мне довелось лишь в сентябре сорок второго года. Вместе с Константином Симоновым мы были у него на НП под Сталинградом. Он командовал там 1-й гвардейской армией. А с сорок четвёртого года переменчивая военная судьба надолго свела меня с Кириллом Семёновичем в 38-й армии. Москаленко командовал ею, а я был назначен туда начальником политического отдела и, таким образом, получал возможность увидеть и оценить незаурядные боевые качества будущего маршала с близкого расстояния в дружной совместной работе при освобождении нашими войсками Правобережной Украины, Польши и Чехословакии, вплоть до вступления в Прагу.

Тогда же я узнал от самого Москаленко и некоторые небезынтересные подробности о его действиях в самом начале Великой Отечественной войны.

Командиром противотанковой бригады он стал несколько неожиданно.

– Готовили из меня танкиста, а пришлось делать совсем противоположное – истреблять танки, – рассказывал Кирилл Семёнович.

Правда, он ещё в боях с белогвардейцами в годы гражданской войны командовал артиллерийским взводом. А в 1940 году под его командованием сокрушала доты на линии Маннергейма артиллерия легендарной 51-й Перекопской стрелковой дивизии. С той войны Москаленко вернулся с орденом Ленина и вскоре был аттестован на командира танковой бригады.

За месяц до начала войны – в мае 1941 года, согласно решению Наркомата обороны, начали формироваться артиллерийские противотанковые бригады резерва Главного командования. Их решено было создать десять, и недалеко от украинского города Луцка, в 80 километрах от государственной границы, где находился штаб 5-й армии, которой командовал М. И. Потапов, в лесу начала своё формирование 1-я артиллерийская противотанковая бригада. Её командиром был назначен генерал-майор К. С. Москаленко. Энергичный и хорошо подготовленный командир, он в короткое время сумел принять вооружение и обучить артиллеристов – истребителей танков. Времени, конечно, у него было недостаточно, но к 22 июня бригада уже была в боевой готовности, о чём свидетельствует первый же бой, в который она вступила.

Вот как Кирилл Семёнович сам описывает в своём двухтомнике «На юго-западном направлении» события того памятного воскресного утра 22 июня:

«Телефонный звонок поднял меня с постели. Схватив трубку, я услышал взволнованный голос Потапова: фашисты напали на нас, ведут артиллерийский обстрел войск на границе, бомбят аэродромы и города. Без промедления я позвонил в лагерь своему заместителю по политической части батальонному комиссару Н. П. Земцову и приказал объявить боевую тревогу, а сам быстро оделся и с адъютантом и водителем выскочил во двор, где стояла машина.

Было раннее тихое утро. Едва мы выехали на улицу, как тишину взорвали частые выстрелы. Мы слышали их до тех пор, пока не выехали из города. Для нас это были первые выстрелы войны.

Как вскоре выяснилось, огонь вели оуновцы, украинские и польские националисты, враждебно настроенные против нас, и засланные немецко-фашистским командованием диверсанты. Тут я, кстати, вспомнил, что только позавчера на одном хуторе, возле Луцка, в сарае со старым сеном наши чекисты засекли

и оцепили нелегальное сборище двадцати оуновцев, деятельность которых в последнее время оживилась. Видно, тогда их не всех выловили...

Наша машина проскочила город и выехала на шоссе. Проезжая мимо аэродрома, мы увидели, что его бомбят около тридцати немецких бомбардировщиков. Ни один наш самолёт не поднялся в воздух, часть из них горела на земле. Мы проскочили мимо аэродрома и прибыли в лагерь, к зданию, где размещался штаб. Я поднялся на второй этаж и забежал в комнату, в которой жил Н. П. Земцов. Он улыбнулся мне, спросил:

– Что, манёвры начались? То-то слышу взрывы и стрельбу, но бригада в них ведь не принимает участия.

Я резко ответил:

– Какие к чёрту манёвры! Война! Немцы напали на нас. Слышишь, бомбят аэродром?

Я спустился вниз, к машине, подъехал к передней линейке у палаток.

О дальнейшем мне напомнил в 1967 году в своём письме бывший красноармеец К. С. Бодаков. «Я с вами встречал войну, – писал он. – Я ваш солдат тяжёлого 1941-го года. Служил я радистом в 1-й противотанковой бригаде... Располагались мы лагерем в лесу, недалеко от станции или местечка Киверцы.

Вспоминаю вас. 22 июня я был дневальным. Удивился, что ваша «эмка» в такой ранний час приближалась к расположению нашего дивизиона. Приготовился доложить, что, конечно, «никаких происшествий не произошло». Вы быстро вышли из машины и сказали в мою сторону: «Отставить. Где сигналист?» Я указал на палатку. Вы открыли полог и громко: «Сигналист, тревога!» И ко мне: «Дневальный, тревога!» И так началось».

Лагерь мгновенно проснулся. Палатки опустели. Личный состав частей и подразделений быстро занял свои места у орудий и машин. Начальник штаба майор Крылов и батальонный комиссар Земцов держались возле меня. Мы все прислушивались к гулу, доносившемуся с запада. Он всё усиливался. Вдруг над поляной, где ещё два дня назад был расположен наш ярко разукрашенный парк орудий, боевых и транспортных машин, появилось свыше сорока «юнкерсов». Снизившись, они сделали круг, затем другой, но ничего не обнаружили и, не сбросив бомб, удалились в сторону Луцка.

Мы быстро пошли в штаб. Здесь я вскрыл мобилизационный пакет и узнал, что с началом военных действий бригада должна форсированным маршем направиться по маршруту Луцк, Радехов, Рава-Русская, Немиров на львовское направление в район развёртывания 6-й армии. Немедленно доложил об этом по телефону генералу Потапову. Выслушав, он сказал:

– Обстановка на фронте 5-й армии резко обострилась: немецкие войска форсировали реку Западный Буг в полосе Устилуг, Сокаль и продвигаются на Владимир-Волынский. Поэтому прошу вас, наконец – требую выступить на Владимир-Волынский и совместно с 22-м механизированным корпусом уничтожить противника, перешедшего границу, и восстановить положение.

Я ответил:

– Бригада является резервом Главнокомандования. Выполнить ваше требование, противоречащее мобилизационному плану, не могу.

Потапов попросил подождать у телефона, пока он свяжется с Москвой или Киевом. В этом я не мог ему отказать. Тем более, что бригада ещё готовилась к маршу. Минут через 15–20 командарм позвонил снова.

– Связь с Москвой и Киевом прервана, – сказал он. – Противник ведёт наступление по всему фронту армии. 41-я танковая дивизия подверглась массированному удару с воздуха и

артиллерийскому обстрелу и почти полностью погибла. Город Владимир-Волинский с минуты на минуту будет захвачен врагом. – Голос Потапова стал твёрже, требовательнее. – Учитывая сложившуюся обстановку, приказываю: бригаде следовать, как я уже ранее сказал, на Владимир-Волинский и во взаимодействии с 22-м механизированным корпусом генерал-майора Кондрусева разбить противника, перешедшего границу, и восстановить положение. Границу не переходить. Всю ответственность за нарушение бригадой задачи, предусмотренной мобилизационным планом, беру на себя.

Я счёл решение генерала Потапова в создавшейся обстановке правильным, поэтому повторил приказание и, собрав командиров полков я дивизионов, сообщил им о поставленной командармом задаче. Выступление бригады назначил на 10 часов.

Сборы, как говорится, были недолги, и в этом тоже сказались высокие результаты, достигнутые бригадой за несколько недель напряжённой учебы. Назначенное время ещё не истекло, а начальник штаба уже доложил о готовности частей к маршу.

Короткий митинг перед выступлением. В нескольких словах я сказал о вероломном нападении гитлеровской Германии, о задаче, поставленной нам командующим 5-й армией. Говорю, с волнением вглядываясь в лица бойцов и командиров. Разные они. Одни вспыхивают от внезапного гнева, другие необычайно бледны. В их глазах недоумение, боль. Но есть в каждом взгляде какое-то общее для всех чувство. Я понимаю его, ибо и сам испытываю то же самое. Это сознание, что в дом пришла беда, о которой мы думали не раз, понимая её неизбежность и в то же время надеясь, что она, быть может, минует нас. Теперь эта надежда казалась нам наивной. В мире, где существовал фашизм, нападение на нас было неминуемым. И вот оно свершилось...

– По машинам!

Команды выполняются чётко, быстро. Выходит на марш головная колонна. За ней устремляются остальные боевые части. Тыловые подразделения догонят нас на грузовиках с боеприпасами, горючим и продовольствием. А пока они остаются на месте. Впрочем, и мы ведь ещё собираемся вернуться в свой лагерь. Вернуться, восстановив положение на границе и, таким образом, выполнив приказ.

Такой представлялась нам предстоящая схватка с вторгшимся врагом, когда в 10 часов 22 июня 1941 года мы двинулись ему навстречу, к границе...»

Генерал верил в боевую мощь своего соединения. Шесть тысяч личного состава, 136 пушек, преимущественно 76- и 85-миллиметровых, 72 крупнокалиберных пулемёта, минно-сапёрный батальон. Сила!

Далеко не каждую из десяти сформировавшихся противотанковых бригад удалось к началу войны укомплектовать и оснастить полностью. Но бригада Москаленко, может, потому, что числилась под первым номером и стояла на особо опасном направлении, успела получить всё, что ей полагалось по штатам и табелям. Потом Кириллу Семёновичу придётся не раз бросать в бой части и соединения, не располагавшие и половиной, даже четвертью штатной численности и норм материального обеспечения. Но к началу войны его бригада имела всё необходимое для решительного отпора врагу.

Первую встречу с врагом Москаленко как раз и ожидал на границе, но произошла она несколько раньше. Бригада наскочила на немецкие танки уже в пути к Владимиру-Волинскому, а соединения Кондрусева ещё не подошли.

Завязался встречный бой. Самый трудный вид боя, когда обстановка недостаточно ясна и командир располагает для принятия необходимого решения буквально минутами, а то и секундами. До войны считалось, что артиллерия не может успешно вести боевые действия без пехоты и танков. Но Москаленко отлично понимал, что, если его бригада уклонится от самостоятельного боя с немецкими танками, перед ними откроется путь на Луцк, на Житомир, а там и на Киев. И Москаленко принял этот бой, дав приказ: «разворачивать орудия, находясь

в походной колонне, и отражать атаки врага с марша». Этот манёвр для противника стал ошеломляющим. Бой длился полдня, в котором артиллеристы Москаленко уничтожили 70 танков, бронемашин, мотоциклов и другой техники врага.

«На полпути между Луцком и Владимир-Волынским, – писал в своих воспоминаниях Москаленко, – наш передовой отряд догнал небольшую колонну из нескольких бронемашин с двумя танками. Оказалось, что мы встретились с командиром 22-го механизированного корпуса и оперативной группой его штаба. Сразу же познакомились. Я информировал генерал-майора С. М. Кондрусева и начальника штаба корпуса генерал-майора В. С. Тамручи относительно поставленной бригаде задачи.

Кондрусев в свою очередь подтвердил, что им получен приказ нанести удар по вторгшемуся противнику в районе Владимир-Волынского. Однако тут же выяснилось, что две из трёх дивизий корпуса – 19-я танковая и 215-я моторизованная выдвигались из Ровно, который находится в 140 км от государственной границы, в район Ковеля и могли прибыть туда лишь к исходу следующего дня. Относительно 41-й танковой Кондрусев знал лишь то, что утром 22 июня она находилась в месте расквартирования – на западной окраине Владимир-Волынского.

Теперь мы продолжали путь вместе. Я сел с Кондрусевым в танк.

До Владимир-Волынского было уже недалеко, когда мы слышали частые орудийные выстрелы. Они раздавались где-то впереди. Мы вышли из танка и взобрались на небольшую высотку возле шоссе, откуда и увидели, что нам навстречу, справа и слева от шоссе, двигалось в боевых и предбоевых порядках много танков и мотопехоты. Авангард бригады, находившийся несколько впереди нас, вёл по ним огонь.

– Прошу вас немедленно прекратить стрельбу, – встревоженно обратился ко мне генерал-майор Кондрусев. – Быть может, это отходит под натиском противника наша 41-я танковая...

Расстояние между нами и идущими навстречу танками составляло примерно полтора километра, и в бинокль мне были хорошо видны кресты на их бортах. Я молча передал бинокль Кондрусеву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.